

На правах рукописи

Улитин Илья Николаевич

**ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Краснодар – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Прохорова Марина Леонидовна

Официальные оппоненты: **Иванчин Артем Владимирович**
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», декан
юридического факультета, заведующий
кафедрой уголовного права и криминологии

Шарапов Роман Дмитриевич
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного
права

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»**

Защита состоится « 25 » июня 2021 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Построение правового государства требует рационального установления приоритетов правовой охраны. Жизнь и здоровье, бесспорно, должны занимать центральное место в уголовно-правовой политике как объект защиты от преступных посягательств. Исходя из конституционных положений, право на жизнь и здоровье принадлежит человеку с момента рождения и является естественным. Поэтому охрана жизни и здоровья выступает первостепенной задачей уголовно-правовой политики. Умышленное лишение жизни и причинение вреда здоровью являются одними из наиболее общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом.

Согласно статистическим данным, представленным МВД РФ, в 2017 г. зарегистрировано 295212 преступлений против личности, из которых 9738 убийств и покушений на них, 24552 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В 2018 г. названные показатели выглядели соответственно следующим образом: 283595, 8574, 23224; в 2019 г. – 270292, 7948, 21465, а в 2020 г. – 256503, 7695, 20019¹. Аналогичным и показателями располагает и Генеральная прокуратура РФ².

Представленные данные демонстрируют тенденцию незначительного ежегодного сокращения числа преступлений против жизни и здоровья. Вместе с тем показатели насильственной преступности по-прежнему свидетельствуют о ее масштабности.

Предусмотренные уголовным законом преступления против жизни и здоровья являются группой общественно опасных деяний, направленных против основополагающих личных прав человека. В науке существует традиционная классификация посягательств на жизнь и здоровье граждан, предусмотренных в гл. 16 УК РФ, которая содержит в себе 24 статьи, устанавливающие ответственность за названные преступные деяния.

Указанная группа посягательств относится к числу преступлений, при квалификации которых встречаются определенные трудности, являющиеся следствием разнообразия, усложненности и оценочности признаков,

¹ Статистика и аналитика МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.02.2020 г.).

² Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 14.02.2020 г.).

отраженных в соответствующих нормах УК РФ, которые необходимо учитывать в процессе уголовно-правовой оценки содеянного. Следует отметить, что при осуществлении этой деятельности особое значение имеет установление содержания субъективной стороны преступления, в том числе признаков, входящих в число так называемых факультативных. Именно они во многих ситуациях позволяют выявить наличие состава соответствующего преступления, разграничить сходные деяния и применить должную правовую норму.

Целесообразность дополнительного научного исследования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья обусловлена динамическими изменениями уголовно-правовых предписаний и политико-правовых отношений, наличием проблем при квалификации названных посягательств, обусловленных в том числе трудностями в оценке субъективных обстоятельств, отсутствием современных исследований по указанной проблематике.

Кроме того, в науке существуют споры о месте и роли мотивов, целей и эмоций в составах указанных преступлений, о значении факультативных признаков субъективной стороны при совершении и оценке преступного деяния. В последнее время в рамках зарубежных уголовно-правовых школ произошла «революция» в изучении самосознательных эмоций и их влияния на поведение человека, процессов образования мотивов и целей преступного деяния. Однако современное отечественное законодательство не уделяет достаточного внимания регламентации факультативных по своей природе, но выполняющих различные уголовно-правовые роли признаков субъективной стороны.

Таким образом, количество совершаемых преступлений против жизни и здоровья, потребности правоприменительной практики и дальнейшего совершенствования законодательства обуславливают необходимость более глубокого изучения психологического состояния «современного» преступника во всем многообразии его проявлений.

Эмоциональное состояние, мотив и цель являются обязательными элементами любой поведенческой деятельности индивида, в том числе и преступника. Выступая в виде переживаний, осмысления и переосмысления, они отражают субъективное отношение человека к тем или иным явлениям окружающего мира. Значение эмоции, мотива и цели, независимо от их юридического содержания, определяются тем, что в любом случае они

выступают ядром психической деятельности лица во время совершения преступного деяния и одновременно ее оценки правоприменителем. Понимание названных обстоятельств, отразившихся на процессе осуществления посягательства, дает возможность объективно оценить особенности преступного намерения и его реализации, а также позволяет предупредить новые преступления.

Существует прочная синергетическая связь при рассмотрении специфики факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, что с неизбежностью влечет за собой возникновение спорных вопросов в их правовой регламентации и толковании в практической деятельности.

Эффективность применения уголовного законодательства требует четкости содержащихся в нем формулировок, исключающих неоднозначное их толкование. Современную регламентацию факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья вряд ли можно признать безупречной и завершённой. Как представляется, требуется ряд уточнений в их закреплении; корректировка некоторых терминов и формулировок; нуждаются в дальнейшем решении вопросы дифференциации ответственности с учетом указанных обстоятельств.

Изложенное указывает на необходимость дальнейшего научного осмысления факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, вопросов их конструирования и применения.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, касающиеся юридической оценки мотивов, целей и эмоций, всегда привлекали внимание ученых. Однако в уголовном праве не сложилось единого мнения о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений, в том числе направленных против жизни и здоровья, их содержании, взаимосвязи и взаимозависимости, а также их значении при квалификации преступного деяния.

Теоретические основы понимания факультативных признаков субъективной стороны состава преступления нашли отражение в трудах таких авторов, как А.В. Бриллиантов, Н.И. Ветров, П.С. Дагель, А.В. Иванчин, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, В.П. Коняхин, Д.П. Котов, Ю.И. Ляпунов, А.П. Музюкин, А.В. Наумов, Н.П. Печников, Э. Ф. Побегайло, М.Л. Прохорова, А.И. Рарог, С.В. Скляр, Г.Ф. Цельникер, Р.Д. Шарапов,

М.Д. Шаргородский и некоторых иных.

Отдельные вопросы, касающиеся определения содержания и значения факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, затронуты в работах таких исследователей, как М.М. Антоненко, Н.А. Бабий, Б.С. Волков, Е.И. Думанская, Н.Е. Канадина, О.С. Капинус, А.Л. Карасова, Е.Р. Кейдунова, Н.А. Колчина, А.Н. Красиков, Н.А. Лопашенко, С.А. Манойлова, Е.В. Маслова, М.А. Махмудова, А.Ф. Минекаева, А.В. Наумов, С.Х. Нафиев, С.В. Павлуцкая, Е.В. Пуляева, В.В. Рудяк, Б.В. Сидоров, В.А. Смирнов, К.К. Станкевич, Т.А. Фабрика, Р.В. Черепенников, Н.А. Чернова, А.А. Чугунов, и ряда других.

Следует отметить, что весомый вклад в развитие учений о эмоциях, мотивации и целенаправленности деятельности личности внесли такие теоретики в области психологии, как М.И. Еникеев, Е.В. Казаков, А.Н. Леонтьев, А.Г. Маклаков, С.Д. Максименко, В.В. Романов, С.Л. Рубинштейн и др.

Отмечая значимость всех ранее осуществленных авторами исследований, отметим, тем не менее, что в них комплексно и детально не рассматривались проблемы факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья с учетом их современной регламентации. Кроме того, остаются дискуссионными, не получившими однозначного решения отдельные вопросы, касающиеся определения природы, роли и содержания тех или иных признаков субъективной стороны названных посягательств. Указанные обстоятельства предопределяют целесообразность осуществления дополнительного рассмотрения избранной тематики.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является формирование комплекса новых доктринальных положений о факультативных признаках субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, а также разработка на этой основе и на базе системного компаративистского анализа нормативного материала, изучения правоприменительной практики предложений по совершенствованию их законодательной регламентации.

Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*:

- определить философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья;
- рассмотреть уголовно-правовое содержание, значение и классификацию факультативных признаков субъективной стороны применительно к составам

преступлений против жизни и здоровья;

- изучить закономерности и особенности конструирования факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в российском законодательстве разных исторических периодов;

- провести компаративистский анализ факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в современном законодательстве стран ближнего и дальнего зарубежья;

- определить законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья;

- изучить положения уголовно-правовой доктрины, философии и психологии в соответствующей их части;

- рассмотреть судебную практику применения уголовного закона с учетом эмоционального состояния лица во время совершения преступления, мотива и цели содеянного.

Методология и методика исследования. Для объективного и достоверного исследования необходима выверенная методологическая база. В процессе выполнения диссертационной работы использован комплекс общенаучных и частно-научных методов, позволяющих обеспечить объективность исследования и выступающих основой для всестороннего изучения избранной темы. В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья. Единство индукции и дедукции способствовало исследованию предмета в направлении от единичного (особенного) к общему. Использование принципа детерминизма сделало возможным определение закономерной универсальной взаимосвязи и взаимообусловленности мотивов, эмоций и целей преступлений против жизни и здоровья в объективной действительности.

Кроме того, были использованы такие общенаучные и частно-научные методы, как анализ и синтез, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-догматический, формально-юридический, методы классификации, герменевтики, моделирования и т.д.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, международно-правовые акты, посвященные вопросам охраны жизни и

здоровья личности, российское уголовное законодательство (как действующее, так и его исторические аналоги), ряд иных нормативных правовых актов (Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; некоторые ведомственные приказы и др.), современное уголовное законодательство стран ближнего (Азербайджанской Республики; Кыргызской Республики; Латвийской Республики; Литовской Республики; Республики Армения; Республики Беларусь; Республики Грузия; Республики Казахстан; Республики Молдова; Республики Таджикистан; Республики Туркменистан; Республики Узбекистан; Украины; Эстонской Республики) и дальнего (Франции, Англии, США, Германии, Японии, Китая) зарубежья.

Эмпирическая основа исследования состоит из статистических данных, подготовленных Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ, Генеральной прокуратурой РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ; постановлений Пленума Верховного Суда РФ (от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»; от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»); материалов судебной практики по применению статей УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья (всего изучено 257 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции различных регионов РФ), материалов судебной практики зарубежных стран, а также обобщенных результатов проведенного автором анкетирования практических работников – 58 следователей и 42 судей – по тем или иным аспектам исследуемой темы.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе впервые предпринята попытка комплексного и системного исследования эмоций, мотивов и целей в составах преступлений против жизни и здоровья, а также их взаимосвязи и взаимообусловленности. Кроме того, новизна исследования состоит в постановке и рассмотрении проблемы определения современного содержания факультативных признаков субъективной стороны названных посягательств, в изучении подходов к их использованию законодателем в

действующем УК РФ.

На основе осуществленного исторического анализа отечественного законодательства представлена авторская этапитизация становления и развития факультативных признаков субъективной стороны применительно к составам преступлений против жизни и здоровья. Изучение уголовного права зарубежных стран позволило выявить положения, которые могут представлять интерес в ракурсе дальнейшего совершенствования отечественного закона в соответствующей его части.

В диссертации в результате детального изучения каждого из факультативных признаков субъективной стороны, используемых в составах преступлений против жизни и здоровья, установлена их особенность и индивидуальность. Исследование их уголовно-правового значения позволило сделать вывод, что они могут быть учтены непосредственно в законе, а могут присутствовать фактически, влияя на обеспечение принципа справедливости при назначении наказания.

Полученные результаты исследования позволили автору обосновать комплекс предложений по совершенствованию правовой регламентации факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, выработать унифицированные подходы к определению и толкованию целого ряда категорий, с ними связанных. Разработаны дефиниции понятий «аффектированное состояние», «психотравмирующая ситуация», «иные противоправные или аморальные действия». Осуществленный системный анализ позволил обосновать целесообразность нового подхода к регламентации убийства, совершенного по мотиву сострадания (с разработкой редакции статьи, предусматривающей за него ответственность, которой предложено дополнить УК РФ); общественно опасных деяний, совершенных в аффектированном состоянии; преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистскому мотиву; преступного деяния в виде пыток; преступлений, совершаемых из благих намерений, и т.д.

Изучение законодательных и научных подходов к использованию факультативных признаков субъективной стороны при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья послужило основой для разработки новых направлений совершенствования уголовно-правовой регламентации мотивов, целей и эмоций применительно к названным посягательствам.

Научная новизна диссертационной работы проявляется и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Философский анализ позволил установить связь между эмоциями, мотивами и целями преступлений против жизни и здоровья, в качестве которой выступает причинность. Эмоциональное состояние лица является первопричиной возникновения цели и мотива совершения преступления, а цель и мотив в свою очередь выполняют роль первопричины возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления. Таким образом, рассматриваемые категории выступают первопричинами по отношению друг к другу, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на процесс формирования и реализации преступного намерения. Пусковым условием (поводом) совершения преступного деяния выступает субъективная сторона преступления, которая впоследствии (в совокупности с иными элементами) порождает образование состава преступления.

2. Предлагается авторская этапизация развития факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в отечественном уголовном законодательстве:

- этап зарождения института вины и зачатков формирования системы преступлений против жизни и здоровья (X в. – XVII в.);

- этап, знаменующий начало процесса учета объективных и субъективных обстоятельств при назначении наказания; указания эмоций, мотивов и целей преступлений в нормах права; более чёткая систематизация преступлений против жизни и здоровья (XVIII в. – XIX в.);

- этап непосредственного закрепления факультативных признаков субъективной стороны в качестве самостоятельных признаков основных, квалифицированных или привилегированных составов преступлений (XX в. – XXI в.).

3. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного права дальнего и ближнего зарубежья, регламентирующих ответственность за преступления против жизни и здоровья, а также актов интерпретационного характера, позволил установить сходства и различия в конструировании факультативных признаков субъективной стороны, а также выявить положительный опыт регламентации ответственности за данную группу посягательств, который может быть учтен при реформировании российского законодательства. Заслуживает позитивной оценки наличие официального судебного толкования

содержания убийства, учиненного с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; понятия аффективного состояния; вопросов квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, и преступлений, осуществленных с превышением мер необходимой обороны (Республика Казахстан). Установлено, что зарубежные законы предусматривают виды убийства, отсутствующие в УК РФ, в частности, совершенное из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего (УК ФРГ). Видится вполне обоснованной имплементация подобной нормы в УК РФ путем его дополнения ст. 105¹ в разработанной автором редакции.

4. Эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели. Вместе с тем они могут видоизменяться в процессе реализации последних. Формула психического процесса, сопровождающего преступную деятельность, может быть представлена следующим образом: осознание потребности → эмоции → мотив + эмоции → цель + эмоции → процесс реализации цели (т.е. процесс совершения общественно опасного деяния) + эмоции → достижение цели (как правило, наступление преступных последствий) + эмоции.

Для уголовного права интерес вызывают именно те эмоции, которые сопровождают процесс совершения преступления, они могут совпадать с теми, что лежали в основе формирования мотива и цели, а могут и отличаться.

5. Изучение понятий «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» позволяет констатировать, что они отличаются по своему содержанию и их использование в качестве синонимов недопустимо. Для унификации уголовного законодательства и правильного понимания состояния, указанного в ст. 107 и 113 УК РФ, предлагается использовать термин «аффектированное состояние», под которым понимается состояние, оказывающее определяющее влияние на сознание и волю лица, совершившего преступное деяние, не исключаяющее вменяемости, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо его иными противоправными или аморальными действиями, а равно обусловленной ими длительной психотравмирующей ситуацией. Предложено закрепить соответствующую дефиницию в примечании к ст. 107 УК РФ, скорректировав названия и диспозиции ст. 107 и 113 УК РФ.

6. Анализ использования признаков «мотив» и «цель» при конструировании составов преступлений против жизни и здоровья показал, что при их формулировании законодатель использует как единственное, так и множественное число. В рамках гл. 16 УК РФ предложено указание на мотив и

цель сформулировать единообразно в единственном числе.

7. При изучении мотивов преступлений против жизни и здоровья установлено, что в УК РФ отсутствует единообразие в использовании терминов. Закон оперирует категориями «мотив» и «побуждение». Представляется, что термин «побуждение» необходимо заменить на «мотив», так как побуждение выступает в качестве компонента мотива и не может признаваться его синонимом.

8. Под убийством, совершенным по корыстному мотиву, следует понимать умышленное причинение смерти, осуществленное *для удовлетворения потребности* в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или для избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

9. Формулировку мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, указанного п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ, предлагается заменить на «экстремистский мотив», чтобы избежать излишней казуистичности уголовного закона, одновременно представив содержание названного мотива в полном объеме в примечании к ст. 105 УК РФ.

10. Для «чистоты» вменения такого квалифицирующего признака преступного деяния, как «использование органов или тканей потерпевшего», целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», изложив указанный признак в следующей редакции: «в целях использования тела, органов или тканей потерпевшего». Кроме того, видится целесообразным закрепить перечень наиболее часто встречающихся форм использования тела, органов и тканей потерпевшего в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

11. В целях совершенствования отечественного законодательства, обеспечения его соответствия требованиям международного права и с учетом позитивного опыта зарубежных стран целесообразно выделить пытки в качестве самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ

ст. 117¹ («Пытки»). При этом необходимо отметить, что цель для пыток является обязательным признаком.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования могут быть положены в основу формирования новых подходов к осмыслению проблем использования и определения роли факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, а также могут быть полезны в процессе дальнейших доктринальных разработок в названной области.

Предложенные и обоснованные в диссертации направления корректирования регламентации признаков субъективной стороны применительно к составам преступлений против жизни и здоровья могут быть использованы в правотворческой деятельности в процессе дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

Обоснованные в диссертации выводы и рекомендации, касающиеся квалификации соответствующих деяний и понимания ряда категорий, использованных в законе, могут быть учтены Верховным Судом РФ при подготовке разъяснений по вопросам применения норм, предусматривающих ответственность за названные преступления, в деятельности судебно-следственных органов при их квалификации.

Положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании уголовно-правовых дисциплин.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечена использованием надлежащей методологической основы, законодательства, как отечественного (разных исторических периодов), так и зарубежного, изучением значительного числа научных трудов в области уголовного права, психологии, философии и некоторых иных наук, а равно необходимой эмпирической базы.

Диссертационная работа подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета.

Основные положения диссертации нашли отражение в 12 научных статьях автора, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Результаты осуществленного исследования докладывались на 3 международных и 3 всероссийских конференциях: 4-й Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов «Актуальные проблемы

уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, 23.11.2018 г.); VIII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов» (Кубанский социально-экономический институт, г. Краснодар, 18.04.2019 г.); IV Международном научно-практическом форуме магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы» (Саратовская государственная юридическая академия; Саратов, 22.03.2019); III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 25.11.2019 г.); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов «Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики» (Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, 29.11.2019 г.); V Международном научно-практическом форуме магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы» (Саратовская государственная юридическая академия; Саратов, 20.03.2020 г.).

Теоретические и практические рекомендации, высказанные автором в диссертационном исследовании, внедрены в учебный процесс и в правоприменительную деятельность, что подтверждается актами внедрения.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава диссертации **«Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: философские и уголовно-правовые аспекты»** объединяет два параграфа.

В параграфе 1 **«Философское понимание факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья»** отмечается, что соответствующий анализ позволяет определить первоначало бытия факультативных признаков субъективной стороны в составах

преступлений против жизни и здоровья, а также их соотношение в ракурсе «единичное», «особенное» и «общее». В результате установлено, что преступление как таковое выступает всеобщим (общим), преступление против жизни и здоровья – единичным, а особенным, среди прочего, являются признаки их субъективной стороны. Кроме того, философский анализ показал, что причинность выступает необходимой связью между эмоциями, мотивами и целями преступлений, позволяя выявить соотношение всех признаков субъективной стороны преступлений. Названные признаки являются не только составляющими субъективной стороны преступления, но и входят в систему его причинности. Причинность умышленных преступлений выступает путем к удовлетворению эмоций, интересов и к достижению целей. Эмоциональное состояние лица – первопричина возникновения цели и мотива совершения деяния, а цель и мотив в свою очередь являются первопричиной возникновения эмоционального состояния, формирующегося во время совершения преступления. Таким образом, рассматриваемые категории – первопричины по отношению друг к другу. Подытоживая, автор заключает, что эмоции, мотив и цель сопряжены между собой и являются «цепочкой» взаимосвязанных признаков преступления так такового. Данная связь показывает, что каждый факультативный признак выступает первопричиной последующего и следствием по отношению к первичному, оказывая существенное, а порой определяющее влияние на процесс формирования и реализации преступного намерения. Пусковым условием (поводом) совершения преступного деяния выступает субъективная сторона преступления, которая впоследствии (в совокупности с иными элементами) порождает образование состава преступления.

В результате проведенного философского анализа сформулировано предложение о дополнении ст. 60 УК РФ частью 4 в следующей редакции: «При назначении наказания лицу, признанному виновным в умышленном преступлении, учитываются его эмоциональное состояние во время совершения преступления, мотивы и цели преступления».

В параграфе 2 **«Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: понятие, классификация и уголовно-правовое значение»** изучены особенности каждого из означенных обстоятельств. В работе подчеркивается, что гл. 16 УК РФ закрепляет ряд преступных деяний, для которых факультативные признаки субъективной стороны преступления являются обязательными, квалифицирующими или

привилегирующими. Подобное деление может рассматриваться и как классификация факультативных признаков названных посягательств. Автор утверждает, что все преступления с умышленной формой вины содержат в своем составе факультативные признаки, свойственные субъективной стороне. Другое дело, что они могут быть учтены непосредственно в законе, а могут присутствовать фактически, влияя на обеспечение принципа справедливости при назначении наказания.

Глава 16 УК РФ закрепляет квалифицированные виды преступлений, составы которых включают в качестве обязательных и подлежащих установлению обстоятельств низменные мотивы и цели. Эмоциональное состояние как признак субъективной стороны в таком качестве в законе не используется. Вместе с тем в ст. 106, 107 и 113 УК РФ указаны привилегирующие признаки, связанные с указанным состоянием субъекта во время совершения преступного деяния.

В параграфе делается вывод, что именно факультативные признаки субъективной стороны нередко помогают разграничить смежные составы преступлений, определить форму вины, способствуют реализации процесса индивидуализации наказания.

Вторая глава диссертации **«Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: компаративистские аспекты»** объединяет два параграфа, один из которых разделен на подпараграфы.

В параграфе 1 **«Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в истории российского законодательства»** указывается на необходимость изучения эволюции указанных обстоятельств в российском законодательстве для выявления предпосылок их формирования. Автором изучены такие памятники права, как Русская правда; Псковская судная грамота; Судебники 1497 и 1550 гг.; Соборное Уложение 1649 г.; Артикул воинский 1715 г.; Свод законов Российской Империи; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное Уложение 1903 г.; Основные государственные законы 1906 г.; первые законы советской власти – Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг.; Уголовный кодекс 1960 г. Ретроспективный анализ указанных признаков произведен сообразно периодизации, предложенной А.В. Наумовым, включающей в себя средневековое уголовное законодательство; законодательство Нового времени; уголовное законодательство советского

периода; уголовное законодательство РФ. В результате проведенного анализа предложена авторская этапизация факультативных признаков субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья, представленная в положении 2, выносимом на защиту.

Установлено, что в России понятие о субъективной стороне состава преступления и характеристиках, составляющих ее содержание, эволюционировало поступательно в течение длительного времени. Хотя в законодательстве раннего периода не содержались точные характеристики состава преступления, факультативные признаки субъективной стороны учитывались при оценке преступных деяний (так, уже Русская Правда содержала норму об освобождении от ответственности за убийство в состоянии сильного возбуждения, т.е. в определенном эмоциональном состоянии – ст. 26 пространной редакции). Кроме того, она признавала право кровной мести, что, по сути, указывает на мотивационную составляющую поведения. Средневековое законодательство и законодательство Нового времени характеризовалось казуальностью, в связи с чем в нем отсутствовала точная и систематизированная регламентация интересующих автора признаков. В силу недостаточного развития юридической доктрины их законодательное закрепление носило фрагментарный характер. С развитием и усложнением общественных отношений наблюдалось усиление заинтересованности законодателя в учете при регламентации уголовной ответственности внутреннего отношения преступника к содеянному и различных нюансов такового. В памятниках права времен Российской Империи в уголовном законе появляются прообразы системы факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья, близкой современной. В рамках особенной части уголовного закона деяния упорядочивались, в том числе, с учетом общественной опасности и отнесения их к квалифицированным или привилегированным составам.

Параграф 2 **«Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья в современном зарубежном законодательстве»** содержит два подраздела, первый из которых посвящен анализу законодательства ближнего, второй, соответственно, – дальнего зарубежья. Автором подчеркивается необходимость изучения иностранного опыта, так как он может способствовать оптимальному разрешению ряда проблем, имеющих в отечественной уголовно-правовой теории и практике.

При изучении законодательства ближнего зарубежья проанализированы уголовные законы Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана (далее – РК), Кыргызстана; Латвии; Литвы; Молдовы; Таджикистана; Туркменистана; Узбекистана; Украины; Эстонии, а также Модельный уголовный кодекс (далее – МУК); дальнего зарубежья – законодательные и правоприменительные акты Англии, Германии, Китая, США, Франции, Японии.

Компаративистский анализ законов стран ближнего зарубежья показал, что их уголовные кодексы во многом схожи в части регламентации соответствующих преступлений. Система последних выстроена с учетом уровня их общественной опасности. Особенно данное замечание касается стран СНГ, так как их уголовные законы в большей степени соответствуют конструкции, представленной в МУК. Нормы Особенной части УК стран ближнего зарубежья, предусматривающие преступления против жизни и здоровья, содержат указание на низменные мотивы и цели, выступающие в качестве квалифицирующих признаков, во многом схожие с названными в УК РФ. В процессе анализа обращено внимание на нормативное постановление Верховного Суда РК от 11 мая 2007 г. № 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека» в части разъяснения содержания факультативных признаков субъективной стороны названных преступлений. Данное постановление содержит полезные для правоприменительной практики рекомендации по квалификации убийства по мотиву кровной мести; с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения; преступлений против жизни и здоровья личности, связанных с превышением необходимой обороны; по пониманию аффектированного преступления, эмоций страха, испуга, замешательства, а также примерный перечень оснований возникновения аффективного состояния.

Проведенный компаративистский анализ законодательства стран дальнего зарубежья позволяет заключить, что в нем не придается большого значения факультативным признакам субъективной стороны названных преступлений при конструировании их составов. Вместе с тем законодатели указывают на принципы дифференциации ответственности, индивидуализации наказания. Все законы стран дальнего зарубежья при регламентации убийства выделяют его виды: «простое», квалифицированное и привилегированное. Выделение двух последних разновидностей убийства в законах стран дальнего зарубежья происходит, в том числе, с учетом факультативных признаков субъективной стороны. Например, для удовлетворения половой потребности, из корысти или

прочих низменных побуждений, сделать или сокрыть другое преступление (УК ФРГ); с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, с целью подготовки или содействия совершению преступления, либо облегчения побега, либо обеспечения безнаказанности преступника или соучастника преступления (УК Франции). Интерес вызывает регламентация ответственности за детоубийство в Англии. В ее законодательстве установлено: если будет доказано, что женщина находилась в стрессовом состоянии, наказание может быть снижено, либо субъект преступления может быть освобожден от уголовной ответственности.

Стоит обратить внимание на регламентацию убийства в состоянии аффекта в США. В п. «b» ст. 210.3 Примерного УК США аффект рассматривается как эмоциональное расстройство, непреодолимая эмоция. Если будет доказано, что субъект преступления совершил убийство в состоянии эмоционального расстройства, но при этом не достиг уровня безумия (невменяемости), его действия квалифицируются как неумышленное убийство.

Законодательству стран дальнего зарубежья известны преступления, которые отсутствуют в отечественном уголовном праве. Так, §216 УК ФРГ устанавливает ответственность за убийство из сострадания по настойчивой или серьезной просьбе потерпевшего.

В английском праве устанавливается ответственность не только за нападение и нанесение побоев, но и за квалифицированные их виды, сконструированные с учетом факультативных признаков субъективной стороны преступления: нападение с целью совершить ограбление; нанесение побоев с целью воспрепятствовать законному аресту; нападение на национальной и расовой почве.

Вызывает интерес ст. 219а УК ФРГ, устанавливающая ответственность за агитацию абортов. В ней содержится опосредованное указание на мотив – ради имущественной выгоды, что означает наличие корыстного мотива. Изучение регламентации изъятия органов или тканей человека для трансплантации показало, что в законодательстве ФРГ для этого деяния установлен квалифицирующий признак. В п. 2 §18 «Торговля органами» Закона ФРГ от 05.11.1997 г. «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» говорится о квалифицированном виде торговли органом или тканью человека – осуществление ее в коммерческих целях.

Третью главу диссертации **«Законодательные подходы к использованию факультативных признаков субъективной стороны при**

конструировании составов преступлений против жизни и здоровья» образуют три параграфа.

В параграфе 1 **«Признак «мотив» в составах преступлений против жизни и здоровья»** основное внимание сосредоточено на соответствующем признаке данных деяний. В работе отмечается, что мотив лежит в основе любой целенаправленной деятельности человека и наряду с потребностями и целями является одним из главных компонентов ее функциональной структуры. Именно мотив определяет ее вид и содержание, от него зависит личностный смысл и готовность к реализации цели. Мотивы побуждают, направляют, регулируют деятельность, в то же время в ее процессе они могут изменяться, могут рождаться и развиваться новые. Успешность изучения различных сторон человеческой активности, закономерностей ее изменения и возможностей регулирования в выгодном для общества направлении обязательно предполагает понимание мотивационных процессов и проникновение в их сущность, что предопределяет выполнение соответствующих задач, стоящих перед законодателем, правоприменителем и уголовно-правовой наукой.

При формулировании мотива для преступлений против жизни и здоровья законодатель использует как единственное, так и множественное число. В рамках гл. 16 УК РФ предложено указание на него сформулировать единообразно – в единственном числе. Это будет способствовать верной квалификации преступных деяний, так как суду необходимо не только ссылаться на норму закона, но и конкретизировать мотив виновного.

При изучении мотивов указанных преступлений установлено, что в УК РФ отсутствует единообразие в использовании терминов. Закон оперирует категориями «мотив» и «побуждение». Представляется, что вторая из них применяться не должна, так как побуждение выступает в качестве компонента мотива и не может признаваться его синонимом. Это устранил нарушение юридической техники и будет способствовать правильному пониманию содержания уголовно-правовой нормы.

Затрагивая вопросы квалификации убийства по мотиву кровной мести, автор делает вывод, что в настоящее время отсутствуют официальные полновесные разъяснения применения п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что приводит к ошибкам в квалификации и при назначении наказания. Несмотря на то, что этот вид убийства не имеет широкого распространения, необходима разработка рекомендаций относительно содержания его состава и квалификации для того, чтобы избежать неверной уголовно-правовой оценки содеянного.

В связи с тем, что дефиниция корыстного мотива в уголовном законе отсутствует, а его трактовка Верховным Судом РФ не в полной мере отражает его содержание, а также связывает последнее с целью преступления, что является неверным, так как мотив корысти в первую очередь предполагает удовлетворение потребности, а не достижение конкретной цели, видится целесообразным закрепить следующей трактовкой убийства, совершаемого по корыстному мотиву, в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ: *«По п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство по корыстному мотиву) следует квалифицировать убийство, совершенное для удовлетворения потребности в получении материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)».*

Автор отмечает, что квалифицирующий признак совершения преступления из хулиганских побуждений носит оценочный характер, отчего в науке уголовного права нет его однозначной дефиниции. В процессе изучения установлено, что доминирующим обстоятельством здесь выступает внутреннее психическое отношение лица, совершающего преступное деяние, охватывающее осознание факта причинения вреда обществу в целом. Правоприменители при квалификации преступлений нередко ошибочно «смешивают» хулиганский мотив и личную неприязнь к потерпевшему. При рассмотрении данной проблемы выявлено, что субъективная направленность индивида на нарушение общественного порядка, объективируемая в форме наглых, циничных, оскорбительных действий, является главным аргументом при распознавании хулиганского мотива при умышленном причинении вреда жизни или здоровью человека.

Соискатель полагает, что действующая формулировка экстремистского мотива не отвечает требованиям юридической техники, придает казуистичный характер уголовно-правовым нормам. В связи с этим для «облегчения» конструкции составов преступлений, указанных в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 119 УК РФ, предложено заменить существующую формулировку на «экстремистский мотив», одновременно представив его содержание в полном объеме в примечании к ст. 105 УК РФ.

По мнению автора, современная конструкция мотивов, закрепленных в ст. 116 и ч. 2 ст. 119 УК РФ, нарушает правила дифференциации ответственности.

В связи с этим предложено в названных статьях выделить соответствующие признаки, связанные с мотивом преступления, в самостоятельные части сообразно критерию степени их общественной опасности.

В работе отмечается, что при квалификации преступлений немаловажное значение имеют мотивы, не имеющие низменного содержания. Следует заметить, что установление мотивов вовсе не означает, что их наличие «автоматически» образует состав преступления. С учетом сопутствующих этим мотивам обстоятельств, оснований и условий их возникновения они могут предопределять иную квалификацию содеянного.

В связи с тем, что в правоприменительной практике возникают проблемы и коллизии при квалификации преступлений против жизни, предложено абз. 2 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (далее – ППВС №1) дополнить формулировкой: *«По каждому такому делу должны быть установлены и отображены в приговоре форма вины, мотив, цель ... причинения смерти другому человеку, а также исследованы и указаны иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания»*. Это обяжет судебную инстанцию указывать в приговоре все признаки субъективной стороны преступления, что приведет к полному пониманию логики суда при квалификации преступного деяния, а также будет способствовать соблюдению принципов обоснованности и справедливости принимаемого решения.

Особое значение для квалификации посягательств на жизнь и здоровье имеют мотивы мести и ревности. Трудности в их определении возникают при разграничении «простого» убийства со смежными составами преступлений, в частности, с убийством в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны. Таким образом, конкретизация понятия мотива мести и ревности в ППВС № 1 поможет определить их содержание, а также отграничить от других видов мотивов.

Автором при анализе подходов к конструированию признака «мотив» субъективной стороны указанных преступлений замечено, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ относительно уголовно-правовой оценки убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга дается расширительное, исходя из действующей формулировки соответствующей нормы, толкование. Для устранения возможных разночтений в восприятии содержания указанного обстоятельства и единообразного толкования

квалифицирующего признака, названного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, автор считает обоснованным изложить его в законе в следующей редакции: *«в отношении лица или его близких с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность»*.

С учетом мировой практики и существенно меньшего уровня общественной опасности преступления автором предложено выделить в качестве самостоятельного состава убийство из сострадания, дополнив УК РФ новой статьей в следующей редакции:

«Статья 105¹. Убийство из сострадания

Убийство, совершенное по мотиву сострадания по просьбе потерпевшего с целью избавления его от невыносимых страданий, вызванных имеющимся у него тяжелым заболеванием, – наказывается...».

В параграфе 2 **«Признак «цель» в составах преступлений против жизни и здоровья»** определено, что это обстоятельство представляется как часть субъективной стороны, конкретизирующая черты осознанного мысленного образа будущего желаемого результата, в свою очередь предопределяющего содержание совершаемого виновным деяния. Она характерна только для преступлений, характеризующихся прямым умыслом. Наличие цели предполагает желание наступления определенного результата, соответственно, и возникновения общественно опасных последствий.

Автором установлено, что формулировку цели в п. «м» ч. 2 ст. 105 и п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ необходимо изложить в единственном числе. Это изменение позволит правоприменителю верно оценивать обстоятельства совершенного преступления и осуществлять грамотную его квалификацию.

Кроме того, для «чистоты» вменения такого квалифицирующего признака, как «использование органов или тканей потерпевшего», целесообразно п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120 УК РФ дополнить указанием на все компоненты, названные в ст. 68 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Таким образом, предлагается изложить указанный квалифицирующий признак в следующей редакции: *«с целью использования тела, органов или тканей потерпевшего»*.

Для унификации отечественного законодательства и обеспечения его соответствия требованиям международного права видится целесообразным

выделение пыток в качестве самостоятельного состава преступления путем дополнения УК РФ ст. 117¹ («Пытки»). Автор полагает, что квалифицирующие признаки, указанные в ст. 117 УК РФ, полностью могут быть использованы применительно к пыткам. Однако в данный перечень необходимо добавить обстоятельство, указывающее на специального субъекта преступления. При этом необходимо отметить, что цель для пыток является обязательным признаком.

В работе отмечается, что используемый в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ предлог «в связи» означает, что при совершении данного вида убийства субъект должен руководствоваться определенным мотивом и преследовать соответствующую цель. Для точного понимания и толкования квалифицирующего признака, указанного в п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо изложить его в рамках УК РФ в следующей редакции: «...в отношении лица или его близких *с целью* воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность».

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 119 УК РФ, необходимо дифференцировать на два самостоятельных квалифицированных состава. Предлагаем следующую редакцию диспозиции ч. 2 ст. 119 УК РФ:

«2. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью:

а) совершенные по экстремистскому мотиву;

б) совершенные в отношении лица или его близких с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность.

В параграфе 3 **«Признак «эмоциональное состояние» в составах преступлений против жизни и здоровья»** определены место и роль эмоций в уголовном праве, которые сводятся к трем основным моментам: эмоции являются факультативным признаком субъективной стороны преступления; в то же время они образуют характеристику субъекта посягательства; выступают сопутствующей характеристикой умышленной формы вины.

Автор придерживается позиции, что эмоции выступают самостоятельным признаком субъективной стороны состава преступления. Применительно к рассматриваемым посягательствам они обладают индивидуальными особенностями, так как учитываются при регламентации и квалификации

аффектированных преступлений, предусмотренных исключительно в гл. 16 УК РФ.

В параграфе отмечено, что эмоциональное состояние выступает в двух ипостасях: во-первых, как факультативный признак субъективной стороны, который может учитываться судом при назначении наказания либо освобождении от него; во-вторых, как привилегирующий признак состава преступления.

Автор отмечает, что законодатель определил термины «аффект» и «внезапно возникшее сильное душевное волнение» как идентичные. Вместе с тем они значительно отличаются друг от друга по своему содержанию. Их объемы не совпадают. Глубина изменений в психике при внезапно возникшем сильном душевном волнении гораздо больше, чем при аффекте. Отождествлять их нельзя, поскольку они неравнозначны. Поскольку юридическое понятие «аффект» не в полной мере идентично психологическому и психиатрическому, его нельзя использовать в краткой формулировке. Таким образом, в ст. 107 и 113 УК РФ необходимо включить более обобщенное понятие «аффектированное состояние». Его авторская дефиниция, которую предлагается разместить в примечании к ст. 107 УК РФ, представлена в диссертации. Соискателем поддержано предложение о дифференциации ответственности в ст. 113 УК РФ в зависимости от тяжести причиненного здоровью вреда.

Для надлежащего понимания означенного состояния необходимо раскрыть содержание аффектообразующих оснований в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в аффектированном состоянии», принятие которого видится автору целесообразным. При изучении названных состояний разработана дефиниция термина «иные противоправные или аморальные действия», под которыми предлагается понимать действия (бездействие), как предусмотренные статьями УК РФ, но не подпадающие под признаки насилия, издевательства или оскорбления, так и не предусмотренные уголовным законом, но связанные с нарушением требований норм иных отраслей права или морали.

При изучении эмоций, свойственных детоубийству, выявлено, что определение термина «психотравмирующая ситуация» вызывает ряд проблем при квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ. Поэтому представляется целесообразным дополнить данную норму примечанием, содержащим понятие психотравмирующей ситуации, редакция которого представлена в тексте работы.

Соискатель констатирует, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует указание на обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с эмоциональной составляющей благих намерений. Представляется, что их закрепление в рамках ст. 61 УК РФ будет способствовать формированию единообразной судебной практики и послужит дополнительным основанием для индивидуализации уголовного наказания. В параграфе отмечено, что Верховным Судом РФ в рамках разъяснений должна быть официально поставлена задача установления по каждому уголовному делу субъективной стороны преступления в полном объеме, включая эмоции. Это необходимо не только для правильной квалификации содеянного, но и для назначения справедливого уголовного наказания. Выяснение эмоционального состояния позволяет оценить мотивационные, целевые характеристики и психическое состояние субъекта во время совершения преступного деяния. Выявление интеллектуальных, волевых, мотивационных и эмоциональных моментов поможет правоприменителю принять верное решение. Несомненно, эмоции должны влиять на индивидуализацию уголовной ответственности.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы, предложения, а также определяются перспективные направления дальнейшей разработки темы.

Приложение содержит перечень вопросов, на основе которых было проведено выборочное анкетирование практических работников, а также его обобщенные результаты.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих научных работах автора (общим объемом 5,5 п. л., авторский вклад – 5,4 п.л.)

Статьи в рецензируемых изданиях, содержащихся в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Улитин, И.Н. Эмоции и их уголовно-правовое значение: дискуссионные аспекты / И.Н. Улитин // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 5. – С. 74-78 (0,4 п.л.).

2. Улитин, И.Н. Уголовно-правовое значение факультативных признаков субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья личности / И.Н. Улитин // Теория и практика общественного развития. – 2020. –

№ 5. – С. 93-98 (0,6 п.л.).

3. Улитин, И.Н. К вопросу о «персональной» криминализации пыток и содержании их субъективной стороны / И.Н. Улитин // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5 (82). – С. 85-89 (0,5 п.л.).

4. Улитин, И.Н. Убийство из сострадания и особенности его субъективной стороны / И.Н. Улитин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – № 15 (1). – С. 144-15 (0,8 п.л.).

5. Улитин, И.Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составе убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга / И.Н. Улитин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3.

URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid6394/pg0/ (0,7 п.л.).

Статьи в зарубежных изданиях:

6. Улитин, И.Н. Некоторые вопросы субъективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка / И.Н. Улитин // Znanstvena Misel. – 2019. – № 29. – С. 33-36 (0,4 п.л.).

7. Улитин, И.Н. Особенности субъективной стороны убийства, совершенного с особой жестокостью / И.Н. Улитин // Sciences of Europe. – 2020. – № 47-4 (47). – С. 63-65 (0,3 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

8. Улитин, И.Н. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств / И.Н. Улитин // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам IV Международного научно-практического форума магистров, аспирантов и молодых ученых (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 22 марта 2019. – г. Саратов, 2019. – С. 347-350 (0,4 п.л.).

9. Улитин, И.Н. Эволюция факультативных признаков субъективной стороны состава преступления в уголовном праве России / И.Н. Улитин // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции

(г. Краснодар, КСЭИ, 18 апреля 2019 г. / отв. редактор М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2019.– С. 136-145 (0,7 п.л.).

10. Улитин, И.Н. О специфике субъективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта / М.Л. Прохорова, И.Н. Улитин // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. тр. по материалам 4-й Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов (г. Краснодар, КубГАУ) / сост. А.А. Тушев, Г.М. Меретуков, А.В. Шульга, под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар, 2019.– С. 82-84 (0,3/0,2 п.л.).

11. Улитин, И.Н. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства: дискуссионные аспекты / И.Н. Улитин // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции (г. Москва, Московская академия Следственного комитета РФ, 25 ноября 2019 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М., 2020. – С. 232-234 (0,2 п.л.).

12. Улитин, И.Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийства по мотиву кровной мести / И.Н. Улитин // Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы: сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 20 марта 2020 г.). – Саратов, 2020. – С. 231-233 (0,2 п.л.).